

Нильфгаардская провинция Метинна

Малек оглянулся через плечо, чтобы проверить Лидиала. Она ехала одна позади группы, пока они пробирались по огромной травянистой равнине. Они впятером ехали на север уже несколько недель, и Малек до сих пор удивлялся, что она ни разу не попыталась сбежать. У нее было много возможностей, особенно по ночам, когда они все спали возле своего импровизированного лагеря. И все же каждое утро, когда они просыпались, она все еще была там. В глубине души он знал, что Баркен каким-то образом угрожал ей, даже если она отказывалась это признать.

Он осторожно натянул поводья, чтобы замедлить лошадь, пока, наконец, не оказался бок о бок с эльфийкой, и некоторое время они оба ехали молча. Лидиал задавался вопросом, чего он хочет, но не настолько, чтобы спросить. В конце концов, большой человек заговорил.

— Могу я попросить тебя об одолжении?

Лидиал подозрительно посмотрел на него. "Что это такое?"

— Не могли бы вы рассказать мне о своей дочери?

Теперь Эйн Сейдхе выглядела растерянной. — Ханнамиэль? Почему? Почему ты хочешь о ней знать?

«Ну, я познакомился с ней немного за эти годы. У меня никогда не было собственных детей, поэтому... я старался навещать Эванджелину и мальчиков как можно чаще. Быть лучшим дядей, каким только мог быть. Мы с ней немного поговорили, и... она мне понравилась. Она была одним из самых приятных людей, которых я когда-либо встречал, но... она также всегда казалась немного грустной. Так что мне просто интересно, какой она была, когда росла. Всегда ли она была как это?"

Лидиал ничего не сказал. Она посмотрела Малеку в глаза и через некоторое время слегка покачала головой.

«Знаете что - мне очень жаль», - сказал он. «Мне не следовало спрашивать. Это не мое дело, и я знаю, что я не твой любимый человек».

Лидиал не ответил. Она смотрела в голубое полуденное небо, словно погрузившись в свои мысли.

Когда Малек уже собирался ехать вперед и предоставить ее собственным мыслям, она заговорила.

«Нет. Она не всегда была грустной. На самом деле, она была самым счастливым ребенком, которого я когда-либо видел. И, ох, любила ли она своего папу», - сказала Лидиал с улыбкой. «Когда она была маленькой, Дилис часами покачивал ее на коленях. А потом, когда она стала на год или два старше, она всегда каталась на нем по дому, как на лошади. Позже Дилис подарил ей пони. Должно быть, она проехала на этой маленькой кобыле всю Дол Блатанну».

— Ангельские глазки, — прошептал Малек.

Лидиал повернула к нему голову с выражением удивления и растерянности.

— Верно. Откуда ты знаешь ее имя?

Малек покачал головой. «Я... я думаю, она сказала мне однажды».

Лидиал ничего не сказал, просто ожидая, продолжит ли он.

«Каждый раз, когда я приезжал, она иногда спрашивала меня, может ли она покататься на моей лошади», - сказал он. «И он был монстром. Гигантский боевой конь, который затмил даже того жеребца, на котором я сейчас нахожусь. Когда она спросила в первый раз, я испугался за нее - боялся, что она не сможет с ним справиться. Но она сбежала, как... Падающая звезда. Она могла кататься лучше меня».

Лидиал увидел, как он улыбается этому воспоминанию.

«Возможно, это был первый раз, когда я по-настоящему услышал ее смех».

Затем он посмотрел на Лидиал, которая кивала головой с грустной улыбкой на лице.

«Когда она выросла, у нее... ну, у нее было не лучшее детство... хотя, это было не по ее вине», — заметил Лидиал. «Были обстоятельства, которые заставили других в нашем сообществе обращаться с ней жестоко, и это изменило ее... независимо от того, насколько мы с Дилис уверяли ее, что любим ее, уверяли ее, что Эссеа любит ее. Она впала в депрессию. Она сомневалась в своей ценности. В какой-то момент мы с Дилис даже подумывали о том, чтобы покинуть Дол Блатанну. Но куда нам было идти? В то время преследование эльфов было безудержным - как и всегда. Единственный раз, когда она казалась по-настоящему счастливой, это когда она ехала верхом на Ангельских Глазах. Она уезжала в горы и отсутствовала несколько часов. Думаю, это был ее способ сбежать».

«Не поэтому ли она вышла замуж за Холстеда, чтобы сбежать от Дол Блатанна?» - спросил Малек. «Я имею в виду, это не могло быть из-за любви, верно? Я видел их двоих вместе».

Лидиал взглянул на Малека, но затем быстро отвернулся. Но он видел неловкое выражение ее лица.

«Он был твоим двоюродным братом. Я не хочу...»

«Эй, ты не можешь сказать ничего такого, что могло бы меня оскорбить. Я жил с ним несколько лет, когда мы были подростками. Я знаю, каким он был. Он был не просто неуклюжим в общении. Было что-то действительно... не совсем правильное. с ним. Как будто он не мог общаться с людьми... или не хотел».

Лидиал кивнул. «Я думал то же самое. Он всегда был уважителен, но у меня всегда было ощущение, что он смотрит на меня так, будто я вещь, а не эльф».

«Да, ну... Надеюсь, ты не принял это на свой счет. Он был таким со всеми».

«Я хотела, чтобы Ханнамиэль вышла замуж по любви. И она сказала, что любит его, но я не поверил. Как вы сказали, я считаю, что она просто искала выход из нашего сообщества, и Холстед был этим.» Затем Лидиал глубоко вздохнул. «Мне так много раз хотелось, чтобы она нашла кого-то, кто любил бы ее так, как ее отец любил меня».

— Да, — тихо сказал Малек. «Наверное, именно этого она и хотела».

Затем он повернул голову и посмотрел на Лидиала. «Жаль, что мы редко получаем в жизни то, что хотим».

Лидиал ничего не сказал. Она просто посмотрела на Малека, а затем медленно кивнула.

ooo

Нильфгаардская провинция Гесо.

После спуска с гор Тир-Торчайр Геральту и Колючему Питу потребовалось почти две недели, чтобы пройти через Геммеру и Маехт по пути на север. Маленький ослик был медлительным, но, казалось, никогда не уставал. Перейдя мост через реку Вельда – естественную южную границу между Гесо и Маехтом – ведьмак свернул с главной дороги, ведущей с севера на юг. Как и на протяжении всего путешествия, его план состоял в том, чтобы избегать каждой деревни и города. Он понятия не имел, как люди отреагируют на вид ведьмака-ампутанта, едущего на ослике и тащащего труп, и не хотел знать. На всякий случай он даже снял мечи со спины и прикрепил их к седлу. Если бы у него все еще был с собой плащ, он бы надел и капюшон.

Последние несколько дней Геральт и его спутник медленно пробирались по сельской местности Гезо. Это решение оказалось вдвойне выгодным. Пышные прерии давали Колючему Питу много еды, а также позволяли ведьмаку пополнить некоторые из своих алхимических запасов. Всякий раз, когда Геральт останавливался, чтобы дать ослу отдохнуть и пасть, он хватал костыли и отправлялся на поиски различных растений и трав – жимолости, чистотела и тому подобных.

Когда они вдвоем поднялись на небольшой холм, Геральт внезапно натянул поводья. Канюки летали высоко в утреннем небе примерно в четверти мили от нас. Казалось, они кружили прямо над тем местом, где, как он знал, тропа с востока на запад пролегла между городами Амарилло и Друи. Это не сулило ничего хорошего. Он хотел пройти между двумя городами именно в этом месте, но присутствие канюков могло означать только то, что что-то – или кто-то – было мертво на пути. И, как правило, везде, где была добыча, были и монстры – того или иного типа. Ведьмак еще мгновение смотрел на птиц в небе, прежде чем, наконец, повернуться в седле и посмотреть на труп Эви, привязанный к носилкам.

В конце концов он снова повернулся вперед и медленно покачал головой. «У нас нет на это времени».

Он повернул осла на восток и щелкнул поводьями. «Мы обойдем, что бы это ни было».

Он проехал всего десять или пятнадцать ярдов, когда снова натянул поводья, остановив своего скакуна. Он раздраженно вздохнул, а затем сел и просто покачал головой. Он не мог перестать думать о словах Грейси. Он вспомнил свое обещание ей – просто помогать тому, кто в этом нуждается. Он знал, что обязан ради нее увидеть, что происходит внизу.

«Черт возьми», — сказал он себе под нос. Затем он слегка подтолкнул Колючего Пита, чтобы тот продолжил спускаться с холма.

Через несколько минут ведьмак снова остановил своего осла, уловив звуки какого-то зверя. Он не мог видеть, что было впереди, из-за деревьев и кустарников, закрывавших ему поле зрения, но для ушей убийцы монстров это звучало так, как будто поблизости были гули или гули. Геральт спешил с Колючего Пита, надел мечи на спину и начал медленно ползти на четвереньках в сторону рычания и других гортанных звуков. Подойдя к краю куста, он наконец смог рассмотреть сцену впереди. На обочине стояла купеческая повозка. Бык, тянувший повозку, был мертв и лежал в луже крови, а два гуля усердно грызли большую тушу. Геральт позволил своим чувствам взять верх, тщательно оценивая ситуацию. Помимо гулей, ведьмак

подхватил еще одно присутствие. Этот из фургона. Казалось, кто-то говорил на нильфгаардском языке.

Ведьмак посмотрел вверх, в сторону небес. «Правда, Боже? Нильфгаардцы? Из всех людей, которых я должен спасти...» — подумал он про себя.

Посмотрев на гулей, ведьмак вздохнул и покачал головой. У него была одна нога и не было бомб. Он не был уверен, что именно собирается делать.

«Хорошо, Грейси, после этого мы квиты».

Геральт вылез из укрытия кустов, встал на левую ногу и быстро попрыгал к повозке. Прямо перед тем, как он добрался до передней части повозки, гули заметили его, обернулись, издали ужасные вопли и приготовились к атаке. Мгновенно убийца монстров бросил Игни в обоих существ, и, пока их тела горели, а вой усиливался, он поднялся на сиденье повозки. На высоте нескольких футов над землей он теперь мог сражаться с безопасной позиции.

Два монстра - их тела уже не горели, но все еще дымились - напали на повозку. Они несколько раз ударили острыми когтями вверх по ведьмаку, но он был слишком далеко от досягаемости. Однако они не вышли из-под его контроля, и он начал использовать Игни и Бликса в двух мерзких существах. Обеими руками он поочередно жег и шокировал двух упырей, их крики агонии наполняли утренний воздух. Хотя его Ведьмачьи Знаки не позволяли монстрам подобраться к нему достаточно близко, чтобы пролить кровь, гули все равно отчаянно бросались к нему, врезаясь в повозку. В какой-то момент повозку так сильно толкнуло, что ведьмак потерял равновесие и упал обратно на сиденье. Вместо того, чтобы встать, убийца монстров принял отдельное решение просто оставаться на месте и продолжил поражать двух упырей молниями и потоками огня.

Очень быстро битва закончилась, и, глядя на два дымящихся, отвратительно пахнущих трупов на земле, Геральт понял, что за восемь с лишним десятилетий на Пути он не мог припомнить, чтобы когда-либо сражался с монстрами без мечом или из положения сидя. Он покачал головой, гадая, что бы сказал Весемир, увидев это нелепое зрелище.

«Да, я знаю», — сказал себе ведьмак. «Ты учил меня драться не так».

Это осознание еще раз заставило Геральта осознать, что он, вероятно, больше не годится для того, чтобы быть настоящим ведьмаком. Он вздохнул, снова покачал головой, а затем спрыгнул с повозки и на всякий случай мастерски отрубил головы обоим гулям. Возможно, он больше не был ведьмаком, но эта практика все еще глубоко укоренилась в нем. Затем он подошел к задней части фургона и увидел, что его задняя дверь едва висит на петлях.

«Откройте», — крикнул он. «Теперь это безопасно».

Поврежденная дверь медленно открылась, и появился молодой человек, и ведьмак предположил, что ему было около тринадцати или четырнадцати лет. Геральт быстро взглянул мимо мальчика, чтобы заглянуть внутрь повозки, и заметил две вещи. Фургон выглядел так, будто его обыскали, и там находился пожилой джентльмен - то ли без сознания, то ли мертвый - с кровавой раной на лысине.

«Ты убил монстров?» — спросил мальчик.

Геральт прищурился, внимательно всматриваясь в парня. Он легко уловил сильный нильфгаардский акцент мальчика уже по короткому вопросу.

«Я сделал», ответил он. «Какого черта ты делаешь в Гесо, малыш? Это далеко от Нильфгаарда».

Гезо, как и все территории юга, был провинцией Нильфгаардской империи, и вторжение Чёрных в эти земли было особенно жестоким. В этой войне обе стороны совершили множество злодеяний. И хотя Гесо уже пару десятилетий находился под контролем Нильфгаарда, жители провинции этого не забыли. Они все еще несли в своих сердцах большую враждебность к своим завоевателям на юге.

«Ома и я ехали в Сарду. Там недавно умер портной, и командир города поручил Оме занять его место. Он лучший портной на всем юге, поэтому горожане прислали нам большой гонорар на наши дорожные расходы вместе с обещание большего, когда мы прибудем».

Ведьмак понимающе кивнул. В Сарде располагался нильфгаардский форпост, в котором размещался гарнизон среднего размера, и это было, пожалуй, единственное место в Гесо, где к нильфгаардцам не относились с открытой враждебностью. С годами форт постепенно превратился в довольно большой город, поскольку сюда приезжали торговцы, чтобы продать многочисленным солдатам свои товары. Казалось, что, несмотря на свою ненависть к Черным, гесоанские бизнесмены все еще были готовы торговать с ними. Однако Геральт не имел на них зла. На самом деле это было бы лицемерием с его стороны, поскольку, хотя он и не заботился о нильфгаардцах, он все равно иногда принимал от них контракт. Как однажды сказал ведьмак: если бы он брал контракты только с людьми, которые ему нравились и уважали, то он никогда бы не работал.

— Что именно здесь произошло, малыш?

«Бандиты, сэр. Они украли все наши деньги, двух наших лошадей и убили нашего быка. Когда Ома сопротивлялся, они ударили его по голове. А потом, позже, появились эти монстры».

Геральт кивнул. «Да, их привлекает запах крови. Ладно, малыш, отойди в сторону. Я посмотрю, что можно сделать для твоего дедушки», — сказал он, забираясь в кузов повозки. Ведьмак знал, что «Ома» — так некоторые нильфгаардцы называли своих дедов.

«Вы имеете в виду, что действительно можете?» Парень казался удивленным.

— Я попробую, — сказал Геральт, стоя на коленях возле тела старика.

«О, хвала Великому Солнцу. Ты единственный».

Геральт повернулся и посмотрел на мальчика. «Что значит «единственный»?»

«Еще трое остановились вчера - до появления монстров - но как только они обнаружили, что мы из Нильфгаарда, они плюнули на землю, прокляли нас и ушли».

Ведьмак слегка кивнул. «Не по-соседски... но и неудивительно. Ты уверен, что хочешь жить в Гесо?»

«Прямо сейчас я просто хочу, чтобы моя Ома жила».

"Я посмотрю что я могу сделать."

Ведьмак быстро обработал раны мужчины, тщательно приложив припарки из листьев тысячелистника, аниса и бересты. Затем, потратив некоторое время на приготовление

безопасного для человека лечебного зелья, он влил его в горло своего пациента. Его забота позволила дедушке, которого звали Рожен, прийти в сознание. Однако он все еще был невероятно слаб, поэтому после того, как Геральт осторожно положил его на спину Колючего Пита, он крепко привязал его к седлу и стремянам, чтобы тот не упал, если потеряет сознание. Геральт на мгновение подумывал запрячь своего осла в повозку, но быстро отказался от этой идеи. Маленький ослик не мог вытащить что-то такого размера. Сказав мальчику взять из повозки только самое необходимое, Геральт на костылях повел разношерстную команду по дороге к городу Амарилло. Это был ближайший город, и он тоже находился на пути к Сарде.

— Итак, расскажи мне об этих бандитах, — сказал ведьмак, пока они медленно шли по тропе на восток.

Он обратился к Дразену, мальчику, который шел рядом с ослом. Одна из его рук крепко сжимала рубашку деда сзади, чтобы стабилизировать его.

Ну, - ответил мальчик, - мы делили стол с тремя мужчинами в таверне в Друи. Разговорившись, мы все разговорились, и Ома рассказал им о нашем путешествии. Что мы переехали в Сарду, чтобы начать все сначала после смерти моей бабушки. Они сообщили нам об опасностях путешествия по дорогам Гесо и предложили поехать с нами по дороге в качестве безопасности. Очевидно, это была уловка, потому что через несколько часов они разграбили наши товары, украли все наши деньги и лошадей».

«Вы видели, в какую сторону они уехали?»

«Нет, когда они ушли, я был внутри фургона и пытался позаботиться об Оме», — ответил Дразен. Затем его челюсти сжались. «Но мы ехали с ними все утро. Я никогда не забуду их лица».

Геральт кивнул. «Я думаю, что нет».

В течение оставшегося дня они втроем поддерживали непрерывный разговор. Обычно это могло раздражать ведьмака, который традиционно не любил бессмысленную болтовню с незнакомцами. Однако, поскольку он знал, что до Амарилло у них осталось много часов, он был согласен на светскую беседу, поскольку она помогала скоротать время. В какой-то момент Рожен упомянул Великое Солнце. Геральта не удивило, когда он услышал, что и Роэн, и Дразен были последователями этого божества, поскольку оно было официальной государственной религией Нильфгаардской империи.

И снова, как и в случае с Грейси, он почувствовал что-то внутри себя, заставляющее его рассказать им об Эссе, но, хотя оба вели себя почтительно тихо и внимательно во время его беседы, ни один из них, похоже, не особенно интересовался этой темой. Несмотря на это, после этого на душе и на душе стало легко, что показалось ведьмаку странным. Геральт предположил, что именно Эссея вообще заставил его говорить о его существовании, но зачем Эссея вселяла этот порыв в сердце Геральта, если ни Рожен, ни Дразен не собирались к нему быть восприимчивы? Как Бог - предположительно всеведущее существо - Эссея должен был знать, что разговор в конечном итоге не принесет плодов. Так в чем же тогда смысл, - подумал Геральт. Это был еще один запутанный аспект Эссеи, которого Геральт не понимал.

В течение утра и дня все трое продолжали беседовать на самые разные темы. По дороге они также встретили несколько путешественников. Вид седовласого мужчины на костылях с ослом, тянущим труп, казалось, привлек всеобщее внимание. Однако, как и Дразен и Рожен, случились накануне, как только путешественники обнаружили, что эти двое родом из

Нильфгаарда, все дружелюбие и предложения помощи быстро испарились, и троим снова пришлось постоять за себя. Поэтому, когда Геральт и его спутники наконец добрались до окраин Амарилло, солнце только начало садиться.

Ведьмак не мог вспомнить, когда в последний раз у него так сильно болели мышцы. Он прикинул, что с того утра прошёл на костылях более двадцати миль. Ему очень хотелось горячей еды, а затем еще более горячей ванны. Амарилло был не чем иным, как деревней, поэтому им не потребовалось много времени, чтобы найти единственную гостиницу.

Когда Геральт помог Дрейзену поднять все еще слабого Рожена со спины осла, подросток сказал: «Геральт, у нас нет с собой ни одного флорена».

«Да, я знаю. Не волнуйся, я тебя прикрою», — заверил он мальчика. «Послушайте, почему бы вам двоим не остаться здесь. Присмотреть за Колючим Питом, ладно?»

— Конечно, Геральт, — сказал парень.

Хотя это было правдой, он хотел, чтобы мальчик присмотрел за его ослом и трупом Иви, но более глубокая истина заключалась в том, что он также не хотел, чтобы трактирщик слышал акценты Дразена или Рожена. Геральт не сомневался, что в гостинице вдруг не останется свободных номеров, если хозяин гостиницы обнаружит, что они родом из Нильфгаарда.

Ведьмак вошел в гостиницу и подошел к крепости за стойкой.

«Мне нужна комната на ночь», — заявил он. «И горячая ванна».

Мужчина внимательно посмотрел на Геральта. «Двадцать флоренов».

"Столько?"

«Не нравится, тогда иди дальше по дороге».

Геральт кивнул, и, заглянув в свой мешочек с деньгами, на его лице появилась гримаса. Все, что у него осталось, — это две новиградские короны и четыре флорена. Одноместная комната почти уничтожила бы его. Он знал, что помощь этим двоим каким-то образом укусит его за задницу. Но затем его взгляд привлек четыре флорена, которые тоже лежали в мешочке — четыре флорена, которые дала ему Грейси. Последние четыре флорена, которые у нее были. Он снова подумал обо всем, что она для него сделала, хотя он этого не заслужил. И мысль о ее милосердии и незаслуженном благосклонности сразу же напомнила ему историю о царе Алтачаде и его сыне, которая тогда напомнила ему об Эссее. Итак, он вздохнул, кивнул головой и посмотрел на крепость.

«Две новиградские короны должны покрыть его, верно?» — спросил ведьмак.

— Зависит. Если они еще не сбиты.

Геральт положил две монеты на прилавок, и, к счастью, они прошли проверку.

Двадцать минут спустя Колючий Пит ел сено в стойле загона гостиницы, Рожен потерял сознание на одинокой кровати в их маленькой комнате, а труп Иви лежал на полу рядом с ним. Геральт и Дразен направлялись в обеденную зону гостиницы, чтобы перекусить, прежде чем отнести что-нибудь обратно в комнату для Рожена.

Когда они вошли в дверь, Геральт услышал позади себя Дразена.

— Геральт, — прошипел мальчик.

Когда ведьмак обернулся, он увидел, что Дрейзен тоже повернулся, теперь спиной к посетителям таверны.

Как только Геральт подошел к нему, Дразен повернул голову и прошептал: «Это они. Люди, которые нас ограбили».

"Где?"

«Видите четверых мужчин, играющих в карты? Я не знаю того, кто в желтом камзоле, но трое других — это они».

"Вы уверены?"

«Позитивный».

С этими словами Дразен повернулся и сделал шаг в сторону мужчин. Геральт протянул руку и схватил его за руку.

— Ого, малыш. Как ты думаешь, куда ты идешь? он прошептал.

— Требовать обратно наши деньги и имущество, — ответил Дрейзен, поднимая глаза на ведьмака и глядя ему в глаза.

— Пойдем со мной, — потребовал ведьмак, все еще сжимая руку подростка в тисках.

В конце концов парень кивнул, и они оба прошли в холл сразу за обеденной зоной.

«Ты действительно думаешь, что они просто отдадут твои деньги, потому что ты их требуешь? Тебе повезло, что они не убили тебя в первый раз».

«Значит, я должен ничего не делать? Просто забыть о том, что они сделали?»

"Нет. Я не говорю, забудь об этом. Но противостоять им в одиночку - это самоубийство. Есть тонкая грань между храбростью и глупостью, малыш. Слушай, как доберешься до Сарды, скажи командиру нильфгаардского гарнизона. Пусть охотятся. Эти трое внизу».

«То, что они сделали, было неправильно», — сказал парень со сталью в голосе. «Они должны быть привлечены к ответственности». При этом он поднял рубашку, чтобы показать Геральту нож, который спрятал под ней.

Ведьмак вздохнул. «Я согласен, Дрейзен, но я очень сомневаюсь, что именно ты отдашь им это. Ты действительно думаешь, что сможешь победить этих троих, используя только нож?»

Энергия внезапно, казалось, покинула парня. Он посмотрел на ведьмака.

— Нет... но ты мог бы.

Геральт медленно покачал головой. «Действия из мести никогда не заканчиваются хорошо. Это только приведет вас во тьму. Поверьте мне».

«Итак, человек, который убил твою жену – если ты когда-нибудь его найдешь, ты просто собираешься – что – отрубить его? Почему ты тогда вообще носишь с собой эти мечи?»

Ведьмак долго смотрел в злые глаза юноши. Когда он наконец заговорил, его голос был тихим, почти шепотом.

«Я не совсем знаю, что я буду делать, если когда-нибудь найду его, но я знаю одно: моя жена мертва, потому что я выбрал мечь. Меня настолько охватил гнев, что я ушел от любви всей своей жизни, когда она лежала умирая у моих ног. Так что... я никогда больше не буду убивать из гнева или из мести. Ты меня понимаешь?»

Взгляд Дрейзена ни разу не дрогнул, и он кивнул головой.

«Хорошо, но тебе не придется действовать из мести. У меня достаточно гнева на нас обоих. Все, что я прошу тебя сделать, это действовать из справедливости. Потому что это правильный поступок».

Внезапно Геральту на ум пришли слова Эви из видения. Она поощряла его поступать справедливо, любить милосердие и смиренно идти с Эссеей, пока его наконец не заберут домой. Ведьмак не знал, в чем именно заключается противостояние с этими тремя бандитами, но он знал, что не может позволить Дрейзену встретиться с ними в одиночку.

Геральт кивнул подростку.

«Хорошо, я пойду с тобой, когда ты столкнешься с ними, но давай пойдем на компромисс».

"Что ты имеешь в виду?" — подозрительно спросил Дразен.

«Сначала мы находим местного олдермена или констебля и пусть он тоже будет с нами. Возможно, справедливость удастся восторжествовать, и никому не придется умирать».

«Хорошо», — согласился Дрейзен, но он не выглядел счастливым.

Они быстро подошли к трактирщику и поинтересовались местонахождением олдермена Амарилло.

«Ну, тебе повезло. Он прямо здесь, в таверне. Я думаю, он пьет и играет в карты со своими кузенами».

Ведьмак вздохнул. «Конечно, так оно и есть. Ситуация становится все лучше и лучше», — сказал он себе, покачав головой. "Как его зовут?"

«Майлам. Олдермен Берн Милам».

Геральт повернулся к Дрейзену. — Хорошо, пойдем поговорим с олдерменом.

«Но он их родственник. Он ничего им не делает».

— Давай просто дадим ему шанс, ладно?

После того, как подросток кивнул в знак согласия, они направились обратно в обеденную зону, Геральт шел впереди к столу, а Дразен был на шаг позади. Голос в голове ведьмака снова и снова повторял: «Сохраняй спокойствие».

Костыли ведьмака издали заметный стук по деревянному полу таверны, и это, вместе с его присутствием, заставило смех и разговоры прекратиться, когда он приблизился к четверым мужчинам. Их стол стоял возле окна, выходящего на запад, сквозь которое еще светили последние лучи дневного солнечного света.

— Дразен, — сказал Геральт, глядя на четверых мужчин, остановившись между столом и окном. Он и подросток были слегка освещены сумерками. — Ты уверен, что это они?

«Без сомнения. Тот, что посередине, носит на шее золотой кулон моей бабушки».

— Ну-ну, нильфгаардские подонки, — сказал Клем, человек с кулоном. Затем он повернул голову и обратился к олдермену в желтом камзоле. «Это отродье куска дерьма, Берн».

«Вы олдермен Майлам?» — спросил Геральт у человека в желтом.

«Да. Что нужно?» — сказал он, быстро осматривая костыли и культю ноги Геральта.

«Этот парень утверждает, что эти трое мужчин, с которыми ты сидишь, вчера ограбили его и его дедушку - на дороге отсюда и Друи. Убили их быка, украли лошадей, а еще дедушку избили. Мы это спрашиваем. вы, как юрист Амарилло, можете нам увидеть, что справедливость восторжествовала. Возмещение произведено».

Слова ведьмака, хоть и произнесенные обычным тоном, были услышаны каждым посетителем таверны, поскольку к этому времени все остальные разговоры в таверне прекратились. Всеобщее внимание было сосредоточено на противостоянии за столом олдермена.

Четверо мужчин за столом так и не удосужились даже встать. Они явно не чувствовали угрозы со стороны половозрелого мальчика и пожилого седовласого мужчины на костылях.

«Старик, — сказал тот, что с кулоном, — ты хоть знаешь, от кого говоришь? Этот мальчик вообще сказал тебе, кто его отец?»

Ведмак прищурился. «Мы сегодня здесь долго гуляли. Долго разговаривали. Так что да, он мне рассказал. Солдат нильфгаардской армии. Погиб на войне».

Трое бандитов либо усмехнулись, либо захохотали над ответом Геральта.

— Нильфгаардский солдат? Это все, что он сказал? Почему бы тебе не спросить, как зовут его отца?

Геральт медленно повернул голову в сторону Дрейзена, но не сводил глаз с людей перед ним.

«Дразен?»

«Моя фамилия Карстен».

Брови Геральта глубоко нахмурились, и он вздохнул. «Черт возьми», — подумал он про себя.

«Вашим отцом был Иеремиас Карстен?» он спросил.

"Да."

Ведмак ничего не ответил, но снова выругался про себя, потому что слышал о Иеремиасе Карстене. Почти каждый - по крайней мере, почти каждый в южных королевствах Континента

- слышал о Джеремиасе Каарстене. Хотя на самом деле он был более известен как Каарстен Жестокий. Он действительно был офицером нильфгаардской армии и прославился тем, что возглавлял самое жестокое подразделение, которое только можно себе представить. Он и его люди, прозванные «Резня Карстена», терроризировали граждан того королевства, которое Чёрные пытались завоевать. Стариков, женщин, младенцев – это не имело значения – он убивал всех.

Его и многих его сержантов повесили около десяти лет назад. На самом деле именно сам Император наконец решил положить конец террору Карстена, который вышел из-под контроля. Конечно, любой, кто знал Эмгыра – как и Геральта – знал, что его нисколько не заботит правосудие. Его казнь Каарстена была связана не столько с правосудием, сколько с практичностью и политикой – как способ успокоить тысячи голосов в нильфгаардских герцогствах, которые взывали к мести за военные преступления Каарстена.

«После того, что его отец, кусок дерьма, сделал с нашими семьями, мальчику повезло, что мы оставили его и его дедушку в живых», - сказал один из других мужчин. «Он их всех перерезал. Этот мясник даже отрезал соски моей младшей сестре. Что за больной ублюдок делает это?»

Ведьмак покачал головой. Он не был уверен, что все это может обернуться еще хуже. Наконец он повернулся и посмотрел на Дрейзена.

«Малыш, после того, как все закончится, нам нужно обсудить, как ты выбираешь новую фамилию – особенно, если ты собираешься жить в Гесо».

«Никогда. Я не стыжусь этого. Карстен — фамилия моего Омы. И он самый приятный и нежный человек, которого я знаю».

«Вам двоим нужно двигаться дальше», - прервал Клем, вставая. «Только доброе сердце помешало мне вчера по-настоящему отомстить за свою семью. Тебе, дедушке, повезло, что у него всего лишь шишка на голове, но оставайся здесь, и я дам тебе то, что ты заслуживаешь».

Взгляд ведьмака снова обратился к олдермену.

— Итак, ты ничего не собираешься с этим делать? он спросил. «Эти люди — преступники».

Олдермен Майлам посмотрел на мальчика, а затем на своих кузенов рядом с ним. Затем он вздохнул.

«Ну, насколько я понимаю, этот мальчик просто сбит с толку... потому что эти трое были в моей компании, здесь, в Амарилло, со вчерашнего утра. Они не могли ограбить этого мальчика, как он сказал».

«Он только что признался, что сделал это!» — крикнул Дрейзен, указывая на Клема. «Кроме того, он носит на шее кулон моей бабушки. Как это объяснить?»

Олдермен повернулся к своему кузену. «Ты выиграл вчера вечером в карточную игру, да? У тех трех незнакомцев, которые пришли через город».

Двоюродный брат улыбнулся. «Правильно. Я это сделал. Трое злобных парней. Должно быть, это были бандиты, которые ограбили тебя, мальчик».

«Это ложь», — прошипел Дрейзен.

Внезапно улыбки на лицах мужчин исчезли, и их руки схватили оружие на поясе. Казалось, что все в таверне затаили дыхание, ожидая, смогут ли они действительно вытащить оружие и атаковать.

Ведьмак тут же ослабил хватку на костылях, готовя руки к действию. Он уставился на троих мужчин, и хотя снаружи он, возможно, выглядел стоическим, внутри бушевала война. Ему казалось, что тьма, говорящая ему сжечь их всех, вот-вот одолеет его.

«Эй, эй, мальчики!» — нервно сказал олдермен. «Давайте немного послабим перед ребенком. Очевидно, в последнее время он через многое прошел».

Затем он повернулся лицом к ведьмаку.

«Вы двое теперь официально нарушаете общественный порядок. Я даю вам четверть часа, чтобы покинуть наш мирный город».

Белый Волк даже не удосужился взглянуть на олдермена. Его глаза пристально смотрели на троих мужчин, сжимавших рукоятки своих мечей. Пока ведьмак медленно вдыхал и выдыхал, голоса в его голове кричали на него. Всего на мгновение он подумал о том, чтобы спросить троих перед ним: «Вы знаете, сколько времени ведьмак тратит каждый день на заточку своих мечей?» и затем исходя из этого. Но затем — чудесным образом — момент прошел, и он почувствовал, как его охватило спокойствие. Наконец он оторвал взгляд от троих и перевел взгляд на олдермена.

«Вы, очевидно, человек закона и порядка, олдермен Майлам», — прорычал он, изо всех сил стараясь сдержать сарказм в своем голосе. «Таким образом, теперь, когда вы знаете, что кулон был украден, будет правильным вернуть его законному владельцу. Вы согласны?»

Олдермен кивнул. «Я справедливый человек... так что да, мальчик может вернуть кулон».

Тот, кто носил кулон, быстро перевел взгляд на Милам, а затем снова посмотрел на ведьмака.

— И их лошади, — угрожающе сказал Геральт.

"Приходи еще?" — спросил олдермен.

«Я не сомневаюсь, что ваши друзья выиграли лошадей этого мальчика у трех бандитов в одной карточной игре. Я уверен, что мы могли бы проверить стойла и убедиться».

«Хорошо», — сказал олдермен. «Возьмите лошадей...»

— Что? Ты не можешь говорить серьезно, Берн, — прервал его человек с кулоном.

— Заткнись, Клем, — сказал олдермен. «Отдайте мальчику его кулон и лошадей, чтобы они могли отправиться в путь».

Клем повернулся, чтобы взглянуть на дразенов и Геральта, прежде чем сорвать ожерелье со своей шеи и бросить его в мальчика.

«Я бы посоветовал вам двоим покинуть город как можно быстрее», — сказала Милам. «Солнце почти зашло. Ночь может быть опасным временем в этой стране».

«Да, — прорычал ведьмак, — неизвестно, с какими монстрами мы можем столкнуться».

«Это несправедливо», — прошипел Дрейзен. «У них все еще есть все наши деньги, они чуть не убили Ому, и... им это сойдет с рук?»

«Жизнь несправедлива, малыш», — ответил ведьмак. «Узнай это сейчас. Нам повезло, что мы вернули кулон и лошадей».

Геральт, Дразен и Рожен сидели на спинах своих лошадей — или, в случае Геральта, на спине его осла — и как раз покидали Амарилло.

«Геральт прав, Дразен», — сказал его дедушка.

Подросток остановил лошадь и пристально посмотрел на Геральта.

«Нам повезло? Я видел, что вы сделали с этими гулями. Итак, я знаю, что вы могли бы убить этих четверых мужчин, не вспотев. Мы могли бы вернуть все обратно и позаботиться о том, чтобы они никогда больше ни с кем так не поступали. Если бы ты не был таким... трусом».

«Дразен!» — предостерег Рожен.

Геральт остановил своего осла и посмотрел на мальчика.

«Дразен, ты прав — я мог бы убить их всех... но лишить человека жизни — это серьезное дело. И когда ты убиваешь человека, нет никаких повторных попыток. Да, они заслуживают справедливости. Но то, что они сделали с тобой и Роженом... это не оправдывает их смерть. Такое наказание не соответствует их преступлению».

— Знаешь что, черт тебя побери, Геральт!

Парень пнул лошадь и поскакал по дороге. И Рожен, и Геральт смотрели, как он уезжает в темноту.

«Мне очень жаль, Геральт. Он не должен был этого говорить», — сказал Рожен через мгновение. «Мы обязаны вам жизнью».

«Все в порядке», — ответил ведьмак. «Я к этому привык. Давным-давно узнал, что ни одно доброе дело не остается безнаказанным. Я просто рад, что он еще жив и может злиться на меня. Лучше так, чем умереть».

Затем ведьмак посмотрел на ночное небо, а затем на север.

«Послушай, Рожен, мне пора идти на север, а Сарда полностью в стороне. Как ты думаешь, с вами обоими все будет в порядке?»

«Да, я так думаю. До Сарды всего один день», — сказал пожилой мужчина. А затем, протянув руку, он продолжил: «Еще раз спасибо за все, что ты сделал. После того, как Дрейзен успокоится, он тоже почувствует благодарность. Он хороший мальчик».

Ведьмак протянул руку и пожал ему. «Прощай, Рожен. И еще совет: в следующий раз, когда кто-нибудь спросит вас двоих, являетесь ли вы родственниками Джеремиаса Каарстена, ответ будет «нет». Это всегда «нет». Понятно?"

Увидев, как Рожен уезжает в сторону Дразена, Геральт медленно повернулся в седле и снова

посмотрел на Иви на носилках. Он смотрел на нее несколько долгих мгновений, прежде чем, наконец, снова посмотреть вперед. Затем он слегка натянул поводья, чтобы направить своего осла на север.

«Ну, Колючий Пит, нас снова только трое», — сказал он, нежно поглаживая маленького ослика по шее. Пока осел медленно, но верно шел по темной пустыне, Геральт думал обо всех событиях, произошедших с того утра.

«Эссеа, я понятия не имею, в чем смысл всего этого», — сказал он шепотом. «Но... спасибо, что сохранил мне спокойствие сегодня вечером. Я знаю, что это был ты. Это был весь ты».

ooo

Туссен

Иешуа покинул Аранбхайле две недели назад с тростью и своим маленьким осликом, перевозившим кое-какие припасы – еду, воду, столярные инструменты и несколько специально отобранных кусков дерева. Все это время белая ворона была его «маяком», водя в течение дня тощего, бородатого, темноволосого плотника. Ворона держалась подальше от главных дорог и троп, поэтому, к счастью, Иешуа не встретил ни одного бандита, который, как известно, рыскал по региону. Еще одним благом было то, что за последние две недели у него не было ни одного припадка. На самом деле, Иешуа искренне верил, что не чувствовал себя таким здоровым уже более десяти лет, с тех пор, как был подростком. Возможно, упражнения и свежий горный воздух пошли ему на пользу.

Высокая вершина горы Горгона находилась слева от него, когда он услышал высоко над собой воронье карканье. Иешуа поднял голову и увидел, как птица внезапно начала лететь на большой скорости к северу. Он смотрел на ворону, которая улетела и исчезла за небольшим холмом впереди. Иешуа повернулся и заговорил со своим ослом.

«О чем это?» — спросил он, на его лице отразилось замешательство. Впервые за две недели ворона скрылась из его поля зрения.

Иешуа схватил осла за повод покрепче и побежал вверх по невысокому холму. Достигнув вершины, он остановился, увидев перед собой вдалеке город Боклер. Красная крыша и белые стены королевского дворца блестели в осеннем солнце. Он узнал высокий шпиль кладбищенской часовни на южной стороне города, а когда взглянул направо, увидел, что город растянулся вниз к Портовому району вдоль реки Санретур. Но чего он больше не видел, так это белой вороны.

Несколько часов спустя Иешуа вошел в город Боклер, удивленный его состоянием. Оказалось, что большая часть городских зданий и мостов находится на ремонте. Он заметил леса, соединенные с несколькими трехэтажными строениями, а каменщики и маляры были заняты подкрашиванием фасадов. Чем глубже он углублялся в город, тем больше ремонтов замечал. Он мог сказать, что за последний год большинство домов и предприятий подверглись той или иной реставрации. Свежие слои краски сделали это очевидным. Он задавался вопросом, что произошло – возможно, разрушительный пожар.

Не зная, что еще сделать, он начал останавливать прохожих и спрашивать, видели ли они белую ворону. Большинство просто покачали головой, хотя случайные любопытные граждане останавливались и даже вовлекали его в разговор. Но даже те, будучи дружелюбными, не смогли помочь. Иешуа продолжал бродить по городу, таща за собой своего маленького осла, пока наконец не пришел на площадь в центре города. В его центре стояла высокая бронзовая

статуя бывшей герцогини Анны Генриетты. Плотник стоял и любовался работой. Будучи сам мастером, он мог ценить и уважать качество ремесла.

Иешуа увидел, как молодая женщина наклонилась и положила букет цветов у подножия статуи.

«Прошу прощения, мисс», — сказал Иешуа, подходя к ней.

«Да, сэра», — ответила она, выпрямляясь.

«Я знаю, это может показаться странным, но я ищу белую ворону. Ты ведь случайно не видел ее, не так ли?»

Она вопросительно посмотрела на него. — Вы, наверное, имеете в виду Корво Бьянко?

«Я... я не знаю. Что это?»

«Это поместье - виноградник - к северу от города. Сразу за местом проведения турниров».

«А «Корво Бьянко» означает «белая ворона»?» Волнение в голосе плотника было безошибочным.

"Действительно."

— Вы знаете, кому принадлежит поместье?

«Ну, я слышал, что наша покойная герцогиня наградила ведьмака поместьем за убийство Чудовища».

"Зверь?" — спросил он с растерянным видом.

«Сэр, разве вы не слышали о том, что произошло здесь, в герцогстве?»

Иешуа покачал головой. «Извините, нет. Не могли бы вы объяснить, пожалуйста?»

Затем молодая женщина рассказала Иешуа о событиях прошлого года в Туссене.

"И вот, Белый Волк стал хозяином поместья, но его уже несколько месяцев никто не видел", - заключила она.

У Иешуа перехватило дыхание, а затем он протянул руку и коснулся руки женщины.

«Белый Волк?» — спросил он, предвкушение теперь еще более заметно в его голосе.

Она отошла на шаг от странного мужчины и посмотрела на него. «Да, это его прозвище».

«Пожалуйста, мисс! Можете ли вы сказать мне, где я могу найти этот виноградник?»

ooo

Река Понтар

Был уже вечер, когда Баркейн, Малек и остальные остановили своих лошадей на южной стороне моста, ведущего к реданскому городу Оксенфурт. Они остановились не потому, что хотели, а потому, что были вынуждены. Мост охватывал лишь треть широкой реки. Выглянув

через Понтар, они увидели, что сам город находится в таком же состоянии, как и мост. Более половины зданий города выглядели не более чем руинами.

— Монстры Эйльхарта? — спросил Тиматаал.

Малек покачал головой. «Чудовища Эйльхарта и Эмгыра. Она создала их, а он выпустил на волю».

Затем он повернулся, чтобы посмотреть на остальную часть своей группы.

«Мне не нужно напоминать тебе, — сказал он мягко, — но я все равно нахожусь. Мы были в опасности с тех пор, как пересекли Яругу, но ситуация скоро станет еще хуже. На другом берегу этой реки чрезвычайно враждебная территория... так что давайте сделаем все возможное, чтобы остаться незамеченными, ладно?»

После того, как все кивнули в знак согласия, они в конце концов спустились к кромке воды, где пара предприимчивых молодых людей построила паром. Они заплатили за проезд и, переправившись через реку, направились в сам город. Звуки строительных работ — стук молотков, пиление и крики людей — были слышны повсюду.

«Интересно, гостиница еще стоит?» — спросил Баркейн.

«Мне не помешала бы постель и теплая еда», — заявил Лидиал.

Они ездили верхом каждый день в течение последнего месяца, и во время своих путешествий, гораздо больше ночей, чем нет, они спали под звездами после ужина из галет.

«Ну, есть только один способ узнать, там ли он еще», — сказал Баркейн с улыбкой. Затем он посмотрел на компанию вокруг себя. «Последний покупает первый раунд».

Затем он пустил лошадь в галоп по многолюдным улицам Оксенфурта, оставляя за собой разгневанных и кричащих горожан.

Малек посмотрел на своего лучшего друга, и они оба покачали головами.

«Ну, это было незаметно», — сказал Тиматаал.

ooo

В Оксенфурте осталась одна гостиница, но, к сожалению, все комнаты были заняты. Учитывая, сколько домов все еще находились на реконструкции и, следовательно, сколько жителей Оксенфурта все еще оставались бездомными, никто в группе не удивился. Однако в столовой таверны нашлось место. Получив первую горячую еду за неделю, все пятеро направились на север из города, чтобы найти место, где можно разбить лагерь на вечер.

Осенние ночи в Редании были довольно холодными, и хотя они предвидели такую погоду и купили в Темерии толстые зимние пальто, никто не надеялся спать под звездами. Примерно в полумиле от города они наткнулись на почти разрушенный заброшенный дом. Создавалось впечатление, что предыдущие жильцы либо умерли, либо просто решили, что восстановление не стоит затраченных усилий. К счастью для пятерых, две стены дома еще стояли, а крыша частично сохранилась. По крайней мере, это здание защитило бы их от пронизывающего ветра и любых ночных осадков. Вскоре они все сгрудились вокруг небольшого, но пылающего костра, а вскоре после этого начали дремать.

Малек внезапно открыл глаза, почувствовав движение рядом с собой. Он поднял глаза и увидел стоящего Баркейна.

«Надо сходить к человеку по поводу лошади», — прошептал Баркейн.

Малек понимающе кивнул и закрыл глаза. Некоторое время спустя, когда он уже собирался погрузиться в сон, его снова разбудили приглушенные звуки – доносившиеся сразу за стенами дома.

«Псс!» — прошипел Малек, тихо вскакивая на ноги. «Тим – Аариан – просыпайся».

В этот момент Баркейн неторопливо вернулся в дом.

«У меня есть хорошие и плохие новости, дядя», — сказал он с улыбкой. «Плохая новость в том, что мы окружены».

Мгновенно из темноты вышли две дюжины реданских солдат. Все они направили арбалеты на четверых, стоявших у костра.

«Хорошая новость в том, что я с ними».

Затем Баркейн указал рукой на Тиматаала и Аариана.

«Эти двое», просто сказал он.

Сразу же несколько реданцев открыли огонь, и тела двух нильфгаардцев были пронизаны арбалетными болтами, прежде чем они упали на пол.

Лидиал ахнул, и Малек бросился за лежащим рядом с ним оружием, но прежде чем он успел его обнажить, в дом ворвались полдюжины солдат, направляя свои арбалеты прямо на него. Он медленно поднял руки и посмотрел на своего лучшего друга, с которым был более тридцати лет. Три болта у Тиматаала торчали из груди, а еще один — из глаза. Малек стиснул зубы и снова посмотрел на Баркейна.

«Не делай ничего глупого, дядя. Мне пришлось очень энергично умолять тебя пощадить. Он хотел твоей смерти».

— Он? Кто он? Малек зарычал.

Из-за Баркейна в свет костра вышел молодой человек лет двадцати с небольшим в полном реданском снаряжении. Глаза Малека расширились от шока. Он никогда раньше не встречал этого человека лично, но знал его лицо.

«Он был бы мной», — сказал мужчина с короной на голове. «Радовид, суверенный король Редании».

Затем Баркейн посмотрел на Лидиала и улыбнулся. «Ты поступил мудро, помогая мне, Нейн. Я же говорил тебе, что у меня есть влиятельные друзья».

ooo

Драконьи горы; 101 год после соединения

Маккарег закрыл лицо рукой и прищурился, но не увидел перед собой ничего, кроме белого

покрывала. За последние три года странствий по северной части Континента эльф с юга привык к снегу, но никогда не видел такой бури. Он знал, что один из его товарищей был всего в нескольких ярдах от него, но кружащиеся хлопья падали так быстро и густо, что их было невозможно увидеть. Он даже не знал, какое сейчас время дня, поскольку облака и снегопад были настолько тяжелыми, что закрыли солнце. Видимость была настолько плохой, что Маккарег приказал всем своим эльфам слезть с лошадей и в целях безопасности пройти по высокому узкому горному перевалу.

Командир Аэн Сейдхе оторвал руку в перчатке от лица и протянул руку в сторону, проводя кончиками пальцев по скалистой горной стене справа от него — утесу, вершина которого была полностью скрыта штормом. Он знал, что всего в нескольких футах слева от него тропа резко обрывается в глубокое ущелье. Это не был прямой спуск вниз, но склон был достаточно крутым, и он знал, что никогда не сможет подняться обратно, если когда-нибудь упадет туда. Он оглянулся через плечо позади себя и мимо своего скакуна, поводья которого были обмотаны вокруг его левой руки, но он также не мог видеть эльфов позади себя. Затем его взгляд бессознательно переместился на длинный металлический ящик, прикрепленный к седлу его лошади, и когда он повернулся и начал осторожно продвигаться вперед по узкой тропе, его мысли были привлечены к содержимому этого ящика. , к Мечу Разрушения, заключенному внутри.

Три года назад Маккарег покинул юг, имея под своим командованием около сотни эльфов, но теперь он был единственным из тех, кто остался в живых. Дюжина или около того эльфов, которые сейчас путешествовали с ним через горный перевал, представляли собой разношерстную группу из различных северных городов-государств, которые присоединились к его роте в их объединенной борьбе за победу и захват Меча.

Южный эльф знал, что то, что он теперь обладает ужасным оружием, было всего лишь чудом. Просто нужно было оказаться в нужном месте в нужное время. Всего две недели назад под покровом темноты он и две дюжины эльфов пробрались во дворец последнего владельца Меча. Подойдя к спальне безумного эльфа, они услышали крик агонии. Они ворвались в покои и обнаружили, что невменяемый эльф поджег себя. Увидев лежащий на полу Меч Разрушения, многие эльфы бросились за ним, но Маккарег добрался первым. К сожалению, ему пришлось уничтожить многих своих «собственных» солдат, которые хотели завладеть Мечом. Однако была часть Маккарега, которая не могла их винить. Он мог свободно признать, что клинок был абсолютно изысканным – столь же красивым, сколь и смертоносным. Был краткий момент, когда даже у него возникло искушение взять его в руки.

Осторожно, чтобы никогда не прикасаться к Мечу самому, он поместил его в металлический ящик, который ранее поручил нести одному из своих эльфов, а затем они сбежали обратно через территорию дворца. Маккарег знал, что Эссеа был с ними. Это было единственное объяснение тому, что они смогли так легко проникнуть во дворец и выйти обратно.

Тогда план состоял в том, чтобы отправиться на запад, через Драконьи горы и к Великому морю. Затем Маккарег в одиночку отплывал на лодке в море и бросал Меч за борт, где, как мы надеялись, он оставался нетронутым на дне океана до конца вечности. Разумеется, он не поделился подробностями своего плана ни с одним из оставшихся эльфов. Насколько они знали, они направлялись к побережью, чтобы найти лодку, которая отвезет их на юг, в Святой город. Маккарег не раскрыл своих намерений, потому что, если последние три года и не научили его ничему другому, то, по крайней мере, он остро осознал, насколько глубока испорченность эльфийского сердца. А учитывая, что дольше всего он знал кого-либо из оставшихся Аэн Сейдхе всего несколько месяцев, он, честно говоря, не доверял никому из них. На самом деле, за последние две недели он почти не сомкнул глаз, всегда держа Меч в

коробке и всегда под рукой.

Маккарег снова поднял правую руку перед лицом, чтобы защитить глаза от клубящегося снега, и продолжил медленно двигаться вверх и вперед по горной тропе. И именно тогда он услышал позади себя глубокий грохот. Однако правда заключалась в том, что он почувствовал это прежде, чем услышал. Дрожь, сотрясая его тело. Он быстро обернулся, чтобы оглянуться назад, и хотя сквозь метель он ничего не видел, он каким-то образом знал, что на них вот-вот обрушится лавина из льда или камней.

Он крикнул своей лошади: «Давай!» и побежал по узкой тропе так быстро, как только мог.

Маккарег услышал и почувствовал позади себя громopodobный хлопок, и внезапно земля под его ногами поддалась. Поводья лошади все еще были намотаны на его левую руку, и он и его лошадь, потеряв контроль, соскользнули вниз по крутому склону горы. Если бы это было лето, эльф наверняка бы умер, врезавшись в один из многочисленных валунов и зазубренных скальных выступов, покрывавших местность. Но, учитывая, что была середина зимы и горная местность была покрыта несколькими футами снега, путь вниз был гладким и быстрым. Единственное, о чем должен был беспокоиться эльф, — это проскользнуть в стволы деревьев, но он не мог это контролировать.

Он мчался вниз с горы, набирая невероятную скорость, когда без предупреждения его тело резко остановилось. Он вскрикнул от боли, когда жгучая боль пронзила его левое плечо. Его лошадь врезалась в толстый ствол сосны, сломав ей позвоночник и мгновенно убив ее. Он быстро поднялся на ноги и с трудом пробрался сквозь снег высотой по пояс к дереву. Оказавшись там, он изо всех сил старался использовать дерево как укрытие, поскольку куски льда и камня продолжали падать по обе стороны от него.

Меньше чем через минуту все было кончено, и Маккарег оценил ситуацию. Он увидел, что его лошадь мертва и частично засыпана снегом, и именно тогда сильная боль в плече наконец прорвала его адреналин. На его лице появилась гримаса, когда он поднял правую руку. Было такое ощущение, будто его руку выдернули из сустава. Он быстро размотал поводья из левой руки и сунул один из кусков кожи в рот. Сильно прикусив, он затем поднял левую руку над головой. Ничего не произошло, кроме того, что ужасная агония пронзила его плечо и руку, и он закричал сквозь стиснутые зубы. Теперь дыша еще тяжелее, чем раньше, он решил попробовать что-нибудь еще. Опустив руку вдоль бока, он согнул локоть и повернул руку наружу. Внезапно он почувствовал, как что-то шлепнулось ему в плечо, и когда боль утихла, он непроизвольно вздохнул с облегчением и упал спиной в снег, кожаный повод выпал у него изо рта.

Но Маккарег знал, что он не сможет оставаться там надолго. Ему нужно было продолжать двигаться, иначе он замерзнет насмерть. Что ему действительно нужно было сделать, так это найти убежище. Он быстро поднялся на ноги и начал одной рукой отгребать снег от тела своей лошади. В конце концов ему удалось освободить ящик с Мечом Разрушения и его седельные сумки. Перекинув сумки через правое плечо и с коробкой под правой мышкой, он посмотрел на склон горы. Шторм все еще бушевал, поэтому он даже не мог видеть узкую тропу, откуда только что упал, но знал, что подняться наверх в любом случае будет невозможно. Спуститься в ущелье было его единственным выходом. Будем надеяться, что он сможет найти какое-нибудь убежище — возможно, пещеру — внизу.

«Веди меня по стопам», — сказал он вслух, а затем с решительным видом и, прижав левую руку к боку, начал спускаться вниз по снегу высотой до бедра.

Глубоко внутри довольно большой пещеры Маккаррег сидел очень близко к небольшому огню, дрожа всем телом. Ему потребовалось больше часа, чтобы добраться до дна ущелья, а затем еще час, прежде чем он наткнулся на небольшое отверстие, ведущее в нечто, похожее на пещеру. Он использовал свой меч, чтобы расколоть лед и снег, покрывавшие вход в пещеру, а затем, оказавшись внутри, как можно быстрее разжег костер.

Он поднес руки без перчаток как можно ближе к огню и снова и снова сжимал и разжимал пальцы, пытаясь удержать кровь, текущую через них. Делая это, он посмотрел в свою сторону, на коробку с Мечом Разрушения. Затем он снова посмотрел на огонь и закрыл глаза.

«Ну, ты предоставил мне убежище и огонь... так что могло быть и хуже», — сказал он тихим голосом. «Но я понятия не имею, чего ты от меня хочешь сейчас».

Глубоко выдохнув, Эн Сейдхе внезапно почувствовал себя совершенно измотанным — более усталым, чем когда-либо в своей жизни. До него, наконец, дошли потери не только последних нескольких часов и не только последних двух недель, но и последних трех лет постоянной войны. И, несмотря на присутствие огня, он чувствовал, как сильный холод окоченел до костей. Но больше всего старый эльф чувствовал себя смущенным. После трех лет сражений со своим братом Аэн Сейдхе с севера и наблюдения за тем, как его собственные братья по оружию с юга умирают рядом с ним, вот чем все это должно было закончиться? Когда он был так близок к достижению своей цели — избавить мир от проклятого Меча, вместо этого он собирался замерзнуть в одиночестве в пещере в тысячах миль от дома? Хоть ему и не хотелось это признавать, он не мог отрицать, что внутри него мелькнуло сомнение.

«Это не могло быть твоим планом, Лорд. Не так ли?» - сказал он мысленно.

Именно тогда Маккаррег услышал шум, доносившийся от входа в пещеру. Он медленно поднялся на ноги и вытащил меч из ножен на левом бедре. Он стоял там, крепко прижимая левую руку к животу и держа меч справа, просто ожидая того, что произойдет на его пути.

Меньше чем через минуту в поле зрения появились трое Аэн Сейдхе, стуча зубами. Увидев Маккаррега, они все остановились. Затем южный эльф заметил, что взгляды всех троих переместились вниз, в сторону наполненного мечами ящика, стоявшего у его ног.

Затем один из них посмотрел на Маккаррега и улыбнулся.

«Мы знали, что почувствовали запах огня», — сказал он, направляясь вперед.

«Остановитесь здесь», — приказал Маккаррег, поднимая меч и направляя его острие на северных эльфов.

Улыбка сошла с лица эльфа. «Маккаррег, что с тобой? Да ладно, мы замерзаем».

Южный эльф просто медленно покачал головой.

«Я заметил всех вас троих за последние две недели. Видел, как вы смотрите на эту коробку. Видел, как вы смотрели на нее только что. Ни малейшего шанса, я позволяю любому из вас приблизиться к этому Мечу. ...Итак, поскольку я на грани потери сознания... и поскольку у меня нет желания, чтобы мне перерезали горло во сне... тогда мы собираемся уладить это прямо сейчас. Так что... обнажите мечи.

Три северных эльфа просто посмотрели друг на друга, а затем, не говоря ни слова, обнажили клинки и раскинулись настолько, насколько позволяла пещера.

Маккаррег немедленно шагнул вперед и пнул ногой костер, отправив огненное полено в среднего эльфа. Когда его враг поднял меч, чтобы отбить снаряд, Маккаррег прыгнул вперед и вонзил клинок в сердце противника. Он быстро развернулся вправо, используя умирающего эльфа как щит против одного из своих противников. Однако его правая сторона была открыта для другой стороны, и хотя он парировал приближающийся удар, он не был достаточно быстр, чтобы отбить его полностью в сторону, и клинок врага пронзил его тяжелую шерсть и вошел в толстые мышцы спины. Не обращая внимания на боль, мастер-фехтовальщик взмахнул клинком точно, обезглавив нападавшего, а затем быстро развернул его тело. Выйдя из пируэта, он умело парировал клинок последнего врага, прежде чем сделать небольшой шаг вперед и вонзить свою сталь в живот третьего эльфа.

Быстро убедившись, что все три эльфа мертвы, Маккаррег снова сел рядом с огнем и, в конце концов, упал на правый бок. Он уже устал перед битвой, и бой на мечах истощил его последние остатки энергии. Его левое плечо пульсировало, рана на спине горела, и он снова начал дрожать - он не был уверен, то ли от холода, то ли от адреналина, покидающего его организм.

«Думаю, эта пещера так же хороша, как и любое место, где можно умереть», — сказал он между глубокими вдохами. Затем он взглянул на коробку с Мечом. — Хотя мне бы очень хотелось бросить тебя на дно океана.

Затем он положил голову на пол пещеры и закрыл глаза. Его охватила печаль, когда он понял, что больше никогда не увидит своих близких по эту сторону рая.

«Я готов увидеть твою славу, Отец», - прошептал он, когда его дыхание начало замедляться.

Внезапно пещеру наполнил невероятно яркий белый свет. Даже с закрытыми глазами это было почти ослепительно. Маккаррег вскочил и, увидев перед собой сияющее видение, быстро поклонился в поклонении, уткнувшись лицом в пол пещеры.

"Господин?" — спросил он дрожащим голосом.

«Вставай, Маккаррег», — раздался голос. «Не склоняйтесь предо мной, ибо я не ваш Бог. Я всего лишь Его посланник».

Эльф медленно открыл глаза и поднялся на колени.

«Господь Всемогуший еще не закончил со Своим слугой», — заявило сияющее видение. «Но не бойся, ибо он будет с тобой».

Маккаррег кивнул. «Его воля будет. Чего он от меня требует?»

«Смотрите. Это слово Господне...»

Полчаса спустя Маккаррег - с факелом в левой руке - стоял на краю пропасти, которая находилась глубоко внутри пещеры. Держа длинный металлический ящик под правой рукой, он посмотрел вниз, в пропасть, но не увидел ничего, кроме темноты. Он глубоко выдохнул, а затем изо всех сил швырнул коробку в пустоту. Прошло несколько секунд, пока он, наконец, не услышал доносившиеся до него звуки удара металла о камень. Когда эхо затихло и наступила тишина, он повернулся и медленно пошел прочь.

<http://tl.rulate.ru/book/100010/3439176>